

О. КАШИНСКАЯ

**К ИСТОРИИ ОДНОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПРОЕКТА
ЧЕРНОВИК СТАТЬИ А. З. МАНФРЕДА
«СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ»**

Публикуется текст машинописной копии черновика статьи «Современная буржуазная историография» из фонда А.З. Манфреда в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Данный документ относится к истории неосуществленного проекта статьи А.З. Манфреда.

Ключевые слова: А.З. Манфред, Французская революция, XIV Конгресс МКИН

Альберт Захарович Манфред (28 августа 1906 – 16 декабря 1976), выдающийся отечественный историк, специальное историческое образование получил в аспирантуре Института истории РАНИОН, где занимался в семинаре академика В.П. Волгина (1879–1962). Большое значение для дальнейшей научной деятельности А.З. Манфреда имело и его участие в семинаре слушателей РАНИОН и Института красной профессуры, которым руководил академик Н.М. Лукин (1885–1940). Семинар был посвящен истории французского социалистического движения в годы Третьей республики. А.З. Манфред избрал тему «Социалистическое движение в 70-х годах после Парижской Коммуны». Этой проблеме он позднее посвятил свою кандидатскую диссертацию. Занятия в семинарах этих двух крупнейших ученых сыграли большую роль в формировании А.З. Манфреда как историка.

Основные труды А.З. Манфреда посвящены истории Франции, прежде всего – Великой французской революции. Другая тема – внешняя политика Франции, которой посвящена его докторская диссертация «Внешняя политика Франции от Франкфуртского мира до союза с Россией (1871–1891)» и монография 1952 г., в которой дано наиболее полное для того времени изложение истории дипломатических отношений, приведших к заключению франко-русского союза¹.

Публикуемый документ находится на хранении в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ, в личном фонде А.З. Манфреда (фонд 772), где сосредоточено 1381 ед. хр. за 1920–1970 гг. Основные материалы фонда – творческие работы историка и материалы к ним (публикуемый документ относится именно к данному разделу); выписки из газет, книг, архивов; документы о служебной и общественной деятельности; а также материалы личного характера и переписка. Фонд поступал на хранение в НИОР РГБ частями. Первая часть была обрабо-

---

¹ Подробнее см.: Далин 1989; Намазова 2007; 2011; Чудинов 2016.

тана в 1981 г., в 1982 г. составлена опись (Т. 1), а все материалы размещены в 52 картонах. Вторая часть передана в 2004 г., и в 2007 г. к ней составили опись (Т. 2). Эти материалы ныне составляют 62 картона².

Особенностью публикуемой машинописной копии является отсутствие даты, но ее содержание позволяет отнести материал к осени 1975 г., к периоду после XIV Международного конгресса историков, проходившего 22–29 августа 1975 г. в г. Сан-Франциско (США).

XIV конгресс историков проходил в знаменательное время – после подписания в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В Сан-Франциско отчетливо проявилось стремление значительной части зарубежных историков к научному диалогу с советскими учеными. Подготовка конгресса велась в течение нескольких лет Международным комитетом исторических наук, под руководством представителей Советского Союза (акад. А.А. Губер, а после его кончины – акад. Е.М. Жуков)³. Была разработана программа конгресса, организованного по четырем группам: «Большие исследовательские темы», «Проблемы методологии», «История по хронологическим периодам» и «Международные аффилированные организации и внутренние комиссии»⁴. Советские ученые представили основной доклад по первой Большой теме конгресса «История и общество», который привлек большое внимание участников конгресса.

Как описывают авторы подробного отчета о работе конгресса, несколько сот человек заполнили зал, где проходило заседание, и обстановка была весьма напряженной:

«Уже перед началом его проявили себя силы, стремившиеся нарушить нормальный ход конгресса, – в зале появились провокационные листовки относительно “положения историков в Чехословакии”. Эксперт из ФРГ Х. Винклер использовал обсуждение советского доклада для нападок на марксизм-ленинизм и клеветнических рассуждений относительно положения исторической науки в социалистических странах. Он заявил о своей поддержке действий чехословацких буржуазно-националистических эмигрантов в США и ФРГ, повторил фальсификаторские суждения о характере действий социалистических стран в 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии. Это вызвало возмущение многих участников конгресса. Председательствовавший на заседании западногерманский историк Т. Ниппердэй (ФРГ) сделал эксперту замечание о недопустимости подмены обсуждения научных вопросов политическими дискуссиями»⁵.

Однако критический градус дискуссии на этом заседании, как позднее и на других секциях, продолжал оставаться высоким.

---

² НИОР РГБ. Ф. 772 Описание фонда по описи архива Альберта Захаровича Манфреда в период с 1920 по 1970 гг.

³ Чубарьян 1975.

⁴ Тихвинский 1973.

⁵ Сахаров, Хромов 1976.

Во второй половине XX в. в историографии Французской революции обозначились четыре направления: 1) левореспубликанское, продолжавшее традиции Ж. Жореса и А. Матьеза; его крупнейшим представителем был Ж. Лефевр (1874–1959); 2) марксистское, центральной фигурой которого являлся А. Собуль (1914–1982); 3) ревизионистское, связанное в первую очередь с именами Ф. Фюре (1927–1997) и Д. Рише (1927–1989); 4) сравнительно-историческое, во главе с Ж. Годшо (1907–1989)⁶. Эти идейные течения и были в центре критики историка, вернувшегося с Конгресса⁷.

В своей монографии А.З. Манфред пишет о Французской революции XVIII в. как событии «громадной динамической силы», которое, оказав большое длительное влияние на последующее развитие общества, навсегда сохранилось в памяти человечества⁸.

***

При подготовке материала к публикации были сохранены особенности документа. Опечатки и ошибки исправлены. Там, где смысл выражений остался неясным, дается примечание.

Черновик статьи А.З. Манфреда «Современная буржуазная историография»

[...]* То же самое примерно наблюдается и в Италии. Ряд известных историков-марксистов – Виятри, Прокасси – играют значительную роль в университетах страны. В далекой Японии, в Токийском университете в течение ряда лет ведущая роль принадлежала историку-марксисту Такахаси** и его ученикам. Этот список, естественно, можно было бы продолжить и назвать еще ряд известных историков-марксистов или близких к марксизму в Англии, США, Бельгии, ФРГ, Канаде, Австралии и других странах капиталистического мира.

Было бы, конечно, ошибочно полагать, будто между историками-марксистами зарубежных стран нет споров, дискуссионных проблем, расхождений во мнениях по тем или иным вопросам исторической науки. Без этих творческих дискуссий, без обсуждения нерешенных вопросов не было бы развития науки, движения вперед.

---

⁶ См., в частности: Терехов 2006. С. 8.

⁷ Позднее А.З. Манфред вновь обратился к обозначенным спорным вопросам историографии Французской революции XVIII века. См.: Манфред 1978.

⁸ Манфред 1983. С. 18.

* Так в тексте документа. Начало документа отсутствует.

** Кохахиро Такахаси [1912–1982] – японский историк, был председателем Национального комитета историков Японии. Автор фундаментальных трудов: «Структура революционной буржуазии» (1950), «Исследования об историческом формировании современного общества» (1974), принадлежал к «французскому» направлению японской историографии, которое объединяло историков, проявлявших особый интерес к истории Французской революции XVIII в. и сопоставлению ее с революцией Мэйдзи в Японии в XIX в. См.: Тихвинский, Чистозвонов 1983.

Общеизвестно большое и плодотворное влияние, которое оказывал и оказывает ныне марксизм на развитие ряда ученых, еще не перешедших целиком на позиции марксизма-ленинизма, но с большим вниманием прислушивающихся к голосу своих коллег, историков-марксистов, и относящихся с уважительным вниманием к марксистско-ленинской мысли в целом.

Пожалуй, в наиболее наглядных формах этот процесс может быть проиллюстрирован на примере французской исторической науки, кстати сказать, играющей едва ли не лидирующую роль в современной зарубежной историографии. Кто не помнит, какое значительное влияние на творчество крупнейших французских историков XX столетия Альбера Матьеза и Жоржа Лефевра оказали идеи марксизма и исторический опыт Великой Октябрьской социалистической революции. И Матьез, и Лефевр первоначально испытали воздействие теории научного социализма. Не непосредственно от ее основоположников, а в интерпретации Жана Жореса. «Социалистическая история французской революции» Жана Жореса, созданная им в начале XX века, и являлась тем произведением, через которое передовые французские ученые раньше всего почувствовали могучую силу марксовской мысли. И Матьез, и Лефевр считали – и подтвердили это в ряде заявлений – себя учениками Жана Жореса. Позже непосредственное влияние Великая Октябрьская социалистическая революция и исторический опыт строительства социализма в нашей стране оказали на методологию, ход мышления, исторические концепции и Альбера Матьеза, и Жоржа Лефевра.

Можно ли называть этих выдающихся историков марксистами? Вероятно, нет. Но вместе с тем невозможно отрицать огромное влияние на их научное творчество марксизма, и их справедливо квалифицировать как прогрессивных ученых, испытавших большое благотворное влияние идей научного социализма. С существенными модификациями это должно быть сказано и о старшем поколении крупнейших французских историков, создателей журнала «Анналы» Люсьене Февре, Марке Блоке, Фернанде Броделе. Люсьен Февр и Марк Блок принадлежат уже прошлому. Но Фернан Бродель – один из самых крупных и авторитетных современных французских историков, автор большого двухтомного синтетического труда о Средиземноморье в средневековую эпоху, о капитализме и условиях материальной жизни в XVI–XIX вв., автор весьма своеобразный, стремящийся в каких-то вопросах найти собственные пути исторического синтеза, который многократно гласно заявлял о том значении, которое он придает марксистской теории. В одном из своих выступлений Бродель заявлял: «Ясно, как дважды два четыре, что Маркс является родоначальником современной исторической науки».

Фернан Бродель приезжал в Советский Союз, выступал в Институте истории Академии наук и свое выступление предварил характерным для него заявлением: «Если меня будут называть буржуазным ученым и квалифицировать как буржуазного ученого, я уйду, я не буду выступать».

Наш друг, французский прогрессивный историк Клод Виллар совсем недавно почти в категорических выражениях потребовал, чтобы историки-марксисты вообще отказались от термина «буржуазный ученый». Я не по-

шел бы так далеко, как Клод Виллар – этот термин имеет право на существование, и он может быть подтвержден примерами, опирающимися на работы ряда историков за рубежом. Но в мысли нашего французского товарища есть, на мой взгляд, зерно истины. Мы иногда слишком решительно и категорично зачисляем того или иного ученого в определенный лагерь. Реальная действительность показывает, что под влиянием идейной борьбы, происходящей в наше время во всем мире, имеются – и их не так мало – крупные ученые, которые находятся как бы на полпути, они уже сумели понять большую творческую силу марксистской теории, но они еще не пришли целиком к марксистскому учению. Процесс не завершен. Они находятся в движении. И размашистое и не всегда до конца обоснованное наклеивание этикеток не облегчает этим ученым сближение их взглядов с позицией, взглядами марксизма-ленинизма.

В работах ряда крупных ученых можно встретить одновременно ссылки и на Маркса, и на кого-то другого из мыслителей немарковского или антимарковского направления. В начавшем выходить четырехтомном большом коллективном труде «Социальная и экономическая история Франции» под редакцией Фернана Броделя и Эрнеста Лабруса*, редакторы во «Введении» ссылаются на широкое распространение в современной науке марксовских идей. Но у тех же авторов можно встретить и ссылки на Кейнса.

Недавно умерший крупнейший специалист по истории международных отношений и дипломатии академик Пьер Ренувель, безусловно, испытал влияние марксистского метода. Он требовал, чтобы анализ истории дипломатии и развития международных отношений не ограничивался изучением документов, создаваемых в тиши министерских кабинетов. Можно ли его считать марксистом? Конечно, нет. Однако нельзя не учитывать его стремление преодолеть в какой-то степени узкие рамки позитивистской школы и стремление найти более плодотворную методологическую почву для решения стоявших перед ним задач.

Но когда идет речь о Пьере Ренувеле – это речь о прошлом. Сказанное мне хотелось бы лишь подчеркнуть, что по-видимому, на современном этапе острой идеологической борьбы, все большего возрастания идей марксизма-ленинизма было бы вряд ли правильным и полезным оперировать жесткими или слишком широкими определениями, отказываясь от дифференцированного, конкретного, непредвзятого подхода к анализу творчества того или иного крупного ученого историка. По-видимому, следует считаться с тем реально сложившимся положением вещей в исторической науке, когда отдельные большие ученые, не являющиеся марксистами, политически, быть может, расходящиеся по тому или иному конкретному вопросу, остаются в какой-то мере попутчиками передовой прогрессивной мысли и весьма возможно, в будущем потенциальными союзниками. Опыт, накопленный советскими учеными в течение последующих, примерно, десяти лет, показывает, что, как это подтверждается

---

* Histoire économique et sociale de la France / Dir. par Fernand Braudel, Ernest Labrousse. T. 1. Paris: Presses universitaires de France, 1970.

практикой, возможно в определенных, точно очерченных границах научное сотрудничество между советскими учеными историками и зарубежными историками, протягивающими нам дружески руку.

Вместе с тем нельзя не замечать, что в рядах современной зарубежной историографии появляются и иные тенденции, заслуживающие внимания с нашей стороны. В данной статье остаются вне поля рассмотрения открытые противники марксизма, антисоветчики, антикоммунисты, с поднятым забралом выступающие против марксизма, против передовой марксистско-ленинской науки. Об этих речь не идет, мы их знаем по именам и здесь не может быть никаких иллюзий. Это идейные противники социального прогресса, попытки мира и разрядки, это наши идейные враги, и к ним как таковым и следует относиться, речь идет об ином.

В последние годы обнаружилось, что в ряду историков, в свое время причислявших себя к левой общественной мысли и выступавших порой с произведениями, заслуживавшими поддержки, постепенно меняли свои позиции, передвигаясь в одном направлении – слева направо. Это историки, которые не стремятся афишировать свои антикоммунистические, антимарксистские тенденции. Политика борьбы против марксистско-ленинской методологии осуществляется в более тонких формах. По тому или иному частному поводу они готовы произнести вполне доброжелательные внешние фразы. В большей своей части они все в свое время были знакомы с произведениями Маркса и Ленина, с работами советских историков и прогрессивных зарубежных историков, их никак не заподозришь в неосведомленности или неподготовленности, скорее напротив – некоторые из них в свое время прошли через марксистскую школу. Ныне они претендуют на то, чтобы стать над марксизмом. В примерах нет недостатка, и сказанное могло бы быть проиллюстрировано на одном конкретном случае.

Если присмотреться внимательно к творчеству английского историка Ричарда Кобба: в свое время его труды встречали положительную оценку на страницах прогрессивной печати и сказать по правде, они того и заслуживали. Ричард Кобб, английский историк, профессор Оксфордского университета, специализировался по проблемам истории Великой французской революции, изучая преимущественно роль левых политических группировок революции, в частности, на высшем «якобинском» его этапе. Ричард Кобб является автором двухтомного капитального исследования революции армии, основанного на большом и остававшемся ранее неизвестным архивном материале*. Эта получившая высокую оценку прогрессивной исторической печати монография была опубликована в 1963 г., с тех пор в теме утекло немало воды, и за минувшие годы автор этого труда как бы незаметно совершил некую эволюцию. Как историка его стали больше занимать не проявления революционной доблести и самоотверженной отваги простых французских людей, крестьян, ремесленников, боровшихся и оборонявших свою страну от вторжения интервентов и внут-

---

* Ричард Кобб (1917–1996). Монография *Les Armées Révolutionnaires* была впервые опубликована во Франции в 1961 г.

ренной контрреволюции, а иные сюжеты, он начал публиковать этюды о тех или иных нарушениях законности, ...* об актах произвола, о насилиях, и постепенно, по крупницам, создаваемая им картина стала отличаться преимущественно темными и явно сгущенными авторской волей цветами.

Здесь нет нужды проследживать весь путь эволюции Ричарда Кобба. Скажем коротко, что этот автор, который когда-то так успешно начал, стал превращаться из добросовестного бытописателя французского народа в эпоху революции в его хулителя. Последующие произведения Кобба представляют собой клевету на французский народ, клевету на французскую революцию, клевету на историю героической освободительной борьбы. Я не читал – или мне не попадались на мои глаза – каких-либо декларативных заявлений Кобба, но практически его творчество убеждает в том, что из передовых представителей прогрессивной исторической науки Ричард Кобб превратился в ее врага. Надо сказать прямо, что его последние работы, его творчество в целом не имеет никакой научной цены, ибо внимание автора приковано не к тем историческим процессам, которые двигали общее развитие вперед, не к героической борьбе французского народа, а к коллекционированию действительных или мнимых фактов нарушения принципов гражданственности**.

Можно привести и иной пример. Два автора, которые, равно как и Кобб, еще недавно числились молодыми, два автора, также прошедшие в свое время школу марксистской выучки, Франсуа Фюре и Дени Рише, не так давно обогатившие историческую науку двухтомным сочинением. Оно было озаглавлено скромно «Революция». Не великая, не французская, простая революция, но скромность названия, превосходно ужившаяся с исключительным богатством и роскошью издания два тома, выпущенные издательством «Авет», были изданы на такой великолепной бумаге, с цветными иллюстрациями и гравюрами, в такой великолепной обложке, как давно уже не видела французская историческая литература. Впрочем, для того, чтобы это творение, слишком дорогостоящее для массового покупателя, могло бы получить приблизительно широкую распространенность, вскоре было, выпущено другое, более скромно оформленное издание в черной карманной форме, которое могло просвещать значительно более широкие круги читателей. В чем смысл и каково назначение этой работы? Ни тот, ни другой из историков не являются специалистами по Французской революции, а эта отрасль исторического знания достигла уже такой высокой степени развития, что без специальной и большой подготовки вряд ли можно сказать что-либо новое или имеющее научную ценность в освещении этих проблем. Предусмотрительно оба автора не снабдили свои книги научным аппаратом. Эти книги, если называть вещи своими именами, преследуют не столько научные, сколько политические и пропагандистские цели. Не случайно авторы отказываются называть французскую революцию великой, так, как ее называли 200 лет, так, как ее посто-

---

* Пропуск в тексте.

** См. также: Гордон 2007.

янно называл В.И. Ленин. С их точки зрения, эта революция не была исторически неизбежна, она не была необходима. Читая повествование Франсуа Фюре и Дени Рише, можно заподозрить, что эта революция являлась результатом нагромождения ряда ошибок. Будь представители старого режима монархии Людовика XVI посмекалистее, поумнее, проведи они вовремя некоторые необходимые реформы, и революции бы не было, она бы не произошла. Посеяв сомнение в исторически необходимой и закономерной революции, свергнувшей феодально-абсолютистский строй во Франции, авторы в повествовательной форме, шаг за шагом излагая ход событий, чем дальше идет их повествование, тем все более критически оценивают революционное творчество. Главные критические стрелы Фюре и Рише направлены против высшего якобинского этапа революции. Хотя Ленин здесь не назван по имени, но работа эта полемична, она заострена против ленинской концепции, против ленинской высокой оценки якобинской диктатуры и якобинства в целом. По суждению Фюре и Рише, якобинский этап французской революции, который марксистско-ленинская мысль с полным основанием считала и продолжает считать высшим этапом в развитии французской революции, превращается в цепь каких-то случайностей и ошибок. Фюре и Рише представили дело так, что якобинский этап революции не имел под собой никакой почвы. Пользуясь жаргоном автомобилистов-гонщиков, они утверждали, что на якобинском этапе революции Францию «занесло», машину забросило дальше, чем это было нужно. Становится естественным, что после такой интерпретации самого героического и плодотворного этапа французской революции, контрреволюционный переворот 9 термидора (27 июня 1794 г.) представляется счастливым, благотворным, а порой избавляющим страну от «произвола и насилия» крайних революций.

Американский историк Коббен уже давно берет под сомнение историческую необходимость революции*. Зачем она была нужна? Кому она была нужна? И этот вопрос охотно повторяет его ученик и последователь.

Дело доходит до того, что задаются риторические вопросы: А была ли вообще революция? Имела ли она какое-либо реальное содержание в истории? На только что – в августе 1975 г. – закончившемся XIV международном конгрессе историков в обширном докладе, подготовленном рядом ученых под редакцией известного французского историка профессора Роллана Мунье, меньше всего речь шла о знаменитой Декларации прав человека и гражданина, принятой 26 августа 1789 г. Профессор Роллан Мунье в своем итоговом заключительном слове счел более уместным сослаться на авторитет апостола святого Павла, чем на соответствующую статью Декларации прав человека и гражданина, сформированных в первый год свободы, 1789 г.

Естественно, возникает вопрос: а чем, собственно, вызвано это опоздавшее почти на двести лет крайнее раздражение, крайняя неприязнь к Великой французской революции? Почему за 15 лет до того, как будет празд-

---

* См. также: Меер 2008.

новаться двухсотлетний юбилей этой революции, буржуазной по своему объективному содержанию и конечным результатам, но являвшейся народно-демократической по своему характеру и именно благодаря решающей роли народа ставшей Великой революцией, почему теперь сочтено своевременным атаковать ее по всему фронту.

Разгадка довольно простая, стрелы, направленные против французской революции XVIII в., летят дальше, это стрелы против Великой Октябрьской социалистической революции, против могущественного Союза советских социалистических республик, против стран социалистического содружества, против мировой социалистической системы, против сил мира и социального прогресса, против революционного и национально-освободительного движения, против всех прогрессивных сил, с которыми связано будущее человечества.

Историки, продолжающие себя называть молодыми, хотя все они уже приблизились, а может даже и перешагнули за полувековой рубеж, эти «молодые» историки претендовали не только на то, чтобы заново осмыслить, оценить по-новому общепризнанные передовой исторической мыслью ценности прошлого. Они готовы сказать новое слово и в иных вопросах, вопросах методологии. Эта группа «молодых»*, непропорционально группирующаяся ныне вокруг журнала «Анналы», в прошлом ученики Фернана Броделя, поторопившиеся откреститься от своего учителя и образовать вполне независимую от него группу, пытается приобрести лавры основоположников нового теоретического учения, новой исторической теории. Мы здесь встречаем уже только что упоминавшихся Франсуа Фюре и Дени Рише, но не они выступают в ореоле лидеров этого течения. Апостолом новой школы выступил профессор Колледж де Франс Эмманюэль Леруа Ладюри. Молодой профессор не может жаловаться на незнакомство с марксистской теорией, с передовой прогрессивной научной мыслью. Он также проходил в свое время школу марксистской выучки, но счел нужным с ней расстаться. Леруа Ладюри претендует на то, чтобы сказать новое слово в исторической науке и без лишней скромности он предпочел бы, чтобы это называли постмарксизмом.

В чем суть этих воззрений? Леруа Ладюри и его единомышленники, и друзья склонны обвинять марксизм в односторонности. Марксизм придает весьма большое значение экономическим и социальным факторам – и в этом, они готовы великодушно признать, он сыграл в свое время положительную роль. Но это уже, по мнению сторонников постмарксизма, пройденный этап. Историк обязан принимать во внимание не только эти факторы, на которые указывал сто лет назад Маркс, но считаться и с рядом иных факторов, выпавших из поля зрения марксистских историков. В числе этих не учитываемых марксизмом факторов Леруа Ладюри и его друзья выдвигают на первое место изучение изменений климата, географической среды, внешних факторов, окружающих человека на протяжении всей его истории.

---

* Это слово вставлено по смыслу.

Спору нет, изучение климата в прошлом может представлять интерес для исследователя, не надо только генерализировать, придавать чрезмерное значение этим факторам, которые, кстати сказать, были давно известны исторической науке. Когда Леруа Ладюри не без воодушевления пытается теперь доказать важность изучения географической среды, географического и физического комплекса, окружающего человека, то он не замечает довольно неловкого положения, в которое он попадает. За двести лет до него на географическую среду, как известно, указывал Монтескье и сто лет назад Г.В. Плеханов, справедливо согласившийся с Монтескье, что географическая среда, конечно, должна приниматься во внимание историком, но столь же основательно разъяснял, что не нужно лишь превращать географическую среду в доминанту, в демиурга исторического процесса, что она представляет собой величину переменную и в зависимости от развития производительных сил может по-разному влиять на человеческое общество. Здесь нет необходимости напоминать еще сто лет назад указанный справедливо Плехановым пример, как менялась роль океана с изменением уровня прогресса на суше и ростом производительных сил на Земле.

Но приверженцы этого нового «передового» метода не ограничиваются открытиями и попытками выдать *выдавать** залежалый старый товар за последнюю новинку исторической мысли. Они идут и дальше. Характерной чертой для конкретной научной практики данных историков является расщепление единого исторического процесса на ряд локализованных и искусственно раздельных между собой процессов. Сторонникам этого направления хотелось бы представить исторический процесс как определенную сумму слагаемых: один из них рассматривает экономическую историю; второй рассматривает демографические изменения, происходящие в обществе; третий рассматривает политическую историю; четвертый – культуру и т.д. Единый комплексный исторический процесс оказывается разделенным и расщепленным на ряд как бы автономных и внутренне несвязанных между собой частных процессов.

К тому же наиболее предпочтительной формой приверженцы пост-марксизма считают не широкий исторический обзор большого протяженного во времени периода, а изолированное, локализованное исследование какого-нибудь небольшого региона; какой-то провинции или еще более ограниченного пространства.

Поклонниками нового течения поднята на щит монография их лидера по социально-экономическому развитию Лангедока в XVI столетии. Кто стал бы спорить, и такая локальная тема имеет право на существование, и она может быть выполнена лучше или хуже. Весьма возможно, что Леруа Ладюри выполнил эту тему, являющуюся его докторской диссертацией, тщательно и успешно. Разногласия начинаются не по вопросам о том, допустимы ли такие работы или нет. Спор возникает, когда работы такого рода генерализуются и объявляются, чуть ли не главными и основными в исторической науке.

---

* Так в тексте документа.

В тесной связи с приведенным примером находится и другой: стремление последователей «нового метода» придать преимущественное значение количественной истории. С помощью электронно-счетных и иных вычислительных машин, полагают они, возможен переворот в исторической науке, все можно подсчитать. Вычислительная техника, несомненно, имеющая определенные достоинства и воплощение, когда ею пользуются в разумных пределах, играет, бесспорно, полезную роль, но, когда провозглашается основой исторической науки, она вытесняет все остальное. Дай им волю, эти «молодые» ученые забросали бы книжный рынок сводками цифровых данных. Может быть, эти сводки в какой-то мере полезны. Беда в том, что за этим потоком порой хаотичных или плохо систематизированных цифровых данных пропадает единый исторический процесс.

Если задуматься над тем, к чему ведут эти новые методы, то, в конечном счете, они приводят, будучи последовательно и логично применены на практике, к отказу от исторического обобщения, от синтеза. Странники этого метода не скрывают своей антипатии к синтезу, им не нужны обобщения. Они пытаются провести своего рода раздробление исторического процесса, разбить его на остальные куски, отдельные части с тем, чтобы читатель, умеющий из прошлого извлекать определенные выводы для сегодняшнего дня и для понимания завтрашнего, был бы не в силах это осуществить. Нет единой исторической концепции, нет единого исторического процесса и, следовательно, нет исторических закономерностей. Конечный смысл этой интерпретации заключается в том, чтобы посеять [недоверие]** к развиваемой прогрессивной исторической мыслью идее об исторических закономерностях, о детерминированности исторического процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Далин В.М. Предисловие // Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1989. С. 3-9.
- Манфред А.З. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой Французской революции / Французский ежегодник, 1976. М.: Наука, 1978. С. 171-178.
- Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. 432 с.
- Меер Е.С. Проблема связи Просвещения и Французской революции XVIII века в работах А. Коббена. // Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 228-231.
- Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада (история с Ричардом Коббом) // Французский ежегодник, 2007. С. 215–255.
- Намазова А.С. К 100-летию со дня рождения Альберта Захаровича Манфреда // Россия и Европа. Вып. 4. 2007. С. 167–170.
- Намазова А.С. Альберт Захарович Манфред (1906–1976) // Историки России. Кн. 2. М.: Собрание, 2011. С. 202–215.
- Сахаров А.М., Хромов С.С. XIV Международный конгресс историков. // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 14-31.
- Терехов О.Э. Историческая мысль и историческая наука Запада XIX–XX вв. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 170 с.
- Тихвинский С.Л. В Бюро и на Генеральной Ассамблее МКИИ // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 182–185.

---

* В тексте неразборчиво. Слово вставлено по смыслу.

- Тихвинский С.Л., Чистозвонов А.Н. // [Рец. на кн.]: Х. Кохачиро Такахаси. От феодализма к капитализму: Проблемы перехода (на франц. яз.) // Вопросы истории. 1983. № 10. С. 164-167.
- Чубарьян А.О. Советские историки и XIV Международный конгресс исторических наук // Вопросы истории. 1975. № 6. С. 62-75.
- Чудинов Д.А. «Наполеон Бонапарт» А.З. Манфреда в оценках читателей / Французский ежегодник. № 49. 2016. С. 325-336.

REFERENCES

- Dalin V.M. Predislovie // Manfred A.Z. Tri portreta ehpoi Velikoj francuzskoj revolyucii. M., 1989. S. 3-9.
- Manfred A.Z. O nekotoryh spornyh i nereshennyh voprosah istoriografii Velikoj Francuzskoj revolyucii / Francuzskij ezhegodnik, 1976. M.: Nauka, 1978. S. 171-178.
- Manfred A.Z. Velikaya francuzskaya revolyuciya. M.: Nauka, 1983. 432 s.
- Meer E.S. Problema svyazi Prosveshcheniya i Francuzskoj revolyucii XVIII veka v rabotah A. Kobben. // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2008. № 65. S. 228-231.
- Gordon A.V. Sovetskie istoriki i «progressivnye uchenye» Zapada (istoriya s Richardom Kobbom) // Francuzskij ezhegodnik, 2007. S. 215-255.
- Namazova A.S. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Al'berta Zaharovicha Manfreda // Rossiya i Evropa. Vyp. 4. 2007. S. 167-170.
- Namazova A.S. Al'bert Zaharovich Manfred (1906-1976) // Istoriki Rossii. Kn. 2. M.: Soobranie, 2011. S. 202-215.
- Saharov A.M., Hromov S.S. XIV Mezhdunarodnyj kongress istorikov. // Voprosy istorii. 1976. № 3. S. 14-31.
- Terekhov O.EH. Istoricheskaya mysl' i istoricheskaya nauka Zapada XIX-XX vv. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006. 170 s.
- Tihvinskij S.L. V Byuro i na General'noj Assamblee MKIN // Voprosy istorii. 1973. № 1. S. 182-185.
- Tihvinskij S.L., CHistozvonov A.N. // [Rec. na kн.]: H. Kohahiro Takahasi. Ot feoda-lizma k kapitalizmu: Problemy perekhoda (na franc. yaz.) // Voprosy istorii. 1983. № 10. S. 164-167.
- CHubar'yan A.O. Sovetskie istoriki i XIV Mezhdunarodnyj kongress istoricheskikh nauk // Voprosy istorii. 1975. № 6. С. 62-75.
- CHudinov D.A. «Napoleon Bonapart» A.Z. Manfreda v ocenках chitatelej / Francuzskij ezhegodnik. № 49. 2016. С. 325-336.

Кашинская Оксана Александровна, специалист по УМР кафедры Теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет; kaf_sr_veka@mail.ru

On an unfinished project: a draft of the article “Modern Bourgeois historiography” by A.Z. Manfred

This is a publication of a typewritten copy of the draft of the article “Modern bourgeois historiography” from the fund of A.Z. Manfred in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. This document refers to the history of an unfinished draft article by A.Z. Manfred.

Keywords: A.Z. Manfred, the French Revolution, XIV Congress of CISH

Oksana Kashinskaya, aspirant, Institute of Philology and History, Russian State University for Humanities; kaf_sr_veka@mail.ru